

НИКОЛАЙ НИЧИК

ВКУС ЧЕРЕМШИ,
ИЛИ
СЕРЁГА ЗОЛОТОЙ НОС

РАССКАЗ

Опытные таёжники давно не припоминали такой ранней весны: на сме-ну трескучим февральским морозам не то что пришла — прямо-таки неожиданно свалилась сильная оттепель. После “женского праздника” снег вообще начал таять — ну, куда это?

В тайге на солнечных склонах запестрели проталины, а когда по оврагам стали пробиваться первые робкие ручьи, люди “старые да бывалые” начали усердней молиться — просить Господа Бога, чтобы не дал теплу разгуляться, иначе — беда!

Но той весной всё обошлось, и самое удивительное, что сбылись прогнозы синоптиков: сильного наводнения не было.

В один из тех “парных” мартовских дней, когда невооружённым глазом видать, как начинает подрагивать весеннее марево, мой напарник по ремонту горных выработок Сергей Золотой Нос после тяжёлой ночной смены предложил мне “заглянуть” в тайгу. Ох, как уже давно ему хотелось отведать первых росточков черемши!

Понял и оценил я всё это только потом, когда уже пообвык в Кузбассе и стал понимать, что тут почём, как говорится. А тогда он меня еле угово-

---

НИЧИК Николай Николаевич — прозаик, публицист, родился в 1953 году в селе Пустовойтовка Сумской области (Украина). Автор книг “Другая упряжка”, “Как же мне не писать о шахтёрах?” и др. Награждён знаком “Шахтёрская слава”, областными и ведомственными наградами. Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

рил, потому что и на этот, “колбишный” счёт у меня уже было своё твёрдое мнение, сложившееся из разговоров с продавцами черемши на стихийно возникших весной “точках” — на оживлённых перекрёстках в центре города, а то вдруг и в тихих переулках на окраине — где только в середине мая они не возникают!

Каждый временный, посиневший от холода продавец в это время дружелюбен и разговорчив, каждый клянется, что, если возьмёшь у него два последних пучка, то он, “как только хоть чуть потеплеет”, прихватит тебя с собою в тайгу и покажет такое место, где черемша чуть ли не по пояс, остаётся только купить косу да три-четыре мешка и ждать урочного часа.

Но как только солнышко начинало к нам почаще заглядывать и задерживаться подольше, с новокузнецких улиц продавцов как будто сдувало теплевшим ветром и несло северней, где своей черемши пока не было и привозную можно было продать подороже...

Где только, рассказывали, не встречались тогда наши неутомимые колбозовы! Даже в Новосибирске, где своей черемши вообще маловато. Даже в Томске, где она давно занесена в Красную книгу.

Да что там, что там!

Говорят, что даже в летающих к нам самолётах, от старости насквозь продуваемых ветром, — и в тех, несмотря ни на что, от нескончаемых дружеских передач колбы в Москву устанавливается такой густой дух черемши, что держится потом осень напролёт и исчезает только тогда, когда начинается зима и ни с чем не сравнимый запах, по которому в столице тоскуют и вышедшие из Кузбасса большие начальники, и начинающие забывать родной город депутаты, и даже окончательно забывшие его бывшие вожаки рабочего движения, — сладко тревожащий душу кузнечанина этот запах тогда вымораживается.

Но это всё я тоже начал понимать много лет спустя, а тогда мои знания только тем и были ограничены, что, мол, слишком рано искать колбу по такому холоду, да ещё после такой почти непосильной смены, которая у нас тогда вышла.

Но Серёга горячился:

— Ничего ты не понимаешь! Когда же ещё тогда и искать?.. Устал, видишь. Да в том-то и дело, что она и мёртвого поднимет, а не то что устало-го или больного, ну?!

Чуть не по пояс в снегу, он брёл первым, я, хоть был намного моложе него, прилично отстал... Или как раз — неприлично? То и дело хватался то за ветку калинника, то за слабую берёзку, которая, всё ещё под тяжестью снега, и сама бы сейчас не отказалась от помощи.

Когда вышел, наконец, на проталинку посреди негустого пихтача, Сергей уже разговаривал с выводком шахтовых дворняг, честно сопровождавших горняков на многие такие ответственные мероприятия.

— Вот видишь, — сказал я, тяжело дыша. — Надо было за ними идти, они небось по сугробам не лезли...

И явно повеселевший отчего-то Золотой Нос руками развёл:

— Тут ты прав.

— А нам надо обязательно напрямик, — ворчал я. Но он только повеселел ещё больше:

— Молодой ты ещё!..

Наши чем только не измазанные кабыздохи вдруг дружно взлаяли, всей стайкой бросились к подножию высокой пихты, и Сергей тут же наклонился, выхватил из-под ног сухой дрын:

— А ну, бродяжня!.. Вы тут у него в гостях, а ведёте себя...

Отогнал собак и с умилением глядел теперь куда-то на вершину пихты.

— Чего ты там?

— Бурундучишка! — сказал он чуть ли не с восхищением и снова вдруг вернулся к моей персоне. — Эх, какой ещё молодой-зелёный...

Потом он туда-сюда прошёлся, глядя под ноги, махнул мне молча ладошкой, и оба мы присели на корточки, начали разгребать сухую листву и в сторону откладывать прошлогодний, ещё не оттаявший лесной хлам.

— А это что? — спросил я, увидев между листвой зелёную тонкую ботву. — Сохранилась, не померзла зимой...

— Я и говорю: как эта трава...

— Что — как эта трава?

Он дружелюбно рассмеялся:

— Зелёный!.. И слава Богу, пережил зиму. Загад-трава, вот это что! Тоже шахтёрская травка, между прочим.

— А почему?

— Сушат и в обувку кладут. Она и снаружи воду не пропускает, и пот внутри забирает...

— Прямо-таки забирает?

— Поверь.

— А почему так называется?

— Есть в ней и ещё тайна... не всё сразу!

— Не всё так не всё...

— Гляди!

Спорить готов, как говорится, что в руках у него тогда был ножик со ржавым лезвием и небольшой булыжник, который он только что припасливо приподнял с земли... Но вот по прошествии стольких лет кажется, что держал он отливавшее синевой зубильце и крошечный молоточек — так осторожно и так искусно обкалывал он ледок вокруг еле заметного росточка, который сперва показался мне какой-то крапинкой или тёмным пупырышком.

Только что мы вышли на-гора, поднялись из темени и глухоты, прерываемой вдруг стальным скрежетом, поскрипыванием стоек, тяжкими вздохами матушки-земли, а то вдруг отчаянными криками и скверной руганью, а тут... а тут...

Лицо у Сергея так и светилось — он как будто священнодействовал.

Впервые я видел, чтобы что-то росло прямо во льду, но ведь росло — упрямый остроносый побежек, который Серёга бережно освобождал из ледового плена, делался всё выше: на несколько миллиметров, на сантиметрик, на два...

— Поздравляю тебя; пробуй!

На что это было похоже? Смешанный запах молодого лучка с молодым чесночком в очередной раз припомнился мне потом, когда я уже самостоятельно пытался отыскать первую колбу и в очередной раз давил зубами и начинал обсасывать похожий на неё горьковатый росток кандыка... Говорят, вымирает, и так уже мало осталось, а тут ты ещё выцарапываешь его изо льда, чтобы потом безжалостно выбросить!

А тогда!

Сергей вдруг посерьёзней, лицо у него сделалось значительное:

— Запомни... — ты вроде парень ничего! — что говорил мой дед. Каменный уголь — шахтёрское дело, говорил он. А каменный лук — шахтёрская еда.

— “Каменный лук” — так он называл её? Колбу?

— Ну, “каменный чеснок”, если хочешь, — и чуть насмешливо улыбнулся. — Что же ещё, кроме этого драгоценного камня, через лёд и пробьётся!

Может, и в самом деле — драгоценный?

Потому что Серёга, выдалбливающий очередной стебелёк, и впрямь был похож на ювелира...

Я тогда многого не знал и сперва даже подумал: может, потому-то и звать его — Золотой Нос?

Тут, наверное, и в самом деле пора объяснить, откуда у моего напарника “по ремонту горных выработок” такое необычное прозвище.

Сергей был из тех, кому под землёй постоянно не везло: травмы его прямо-таки преследовали. Есть такие невезучие горняки, есть. Не успел бросить костыли — руку поломал. Руку вылечил, на очереди — другая нога. Если не та же, с которой недавно маялся. А у каждого есть ещё и пара ключиц, и вон сколько рёбер...

Но Сергей был в этом смысле “однолюб”: травму за травмой принимал на себя его нос, рассказы о котором уже занимали на нашей шахте чуть ли

не самое почётное место среди баек да анекдотов. И основания для этого были. Считаю, — все.

Только пошла работа — вдруг крик:

— Стоп! Серёгу опять шшолкнуло!

Ну, “шшолкнуло” — это ясно. Куда ещё, как не в “рубильник”, можно щёлкнуть.

Но иногда вдруг кто-то кричал: мол, Серёгу царапнуло!

И тут начиналось: куда на этот раз?.. Как это куда — всё туда же! Ежели он — Золотой Нос, не по мягкому же месту!.. А кто-нибудь считал, мужики?.. Сколько раз с ним — одно и то же?.. Надо, надо считать!.. А то нет? Его ведь давно пора в книгу рекордов Гиннеса!.. Может, дали бы чего?.. Ага, в книгу Хренниса!.. Ребята уже повели наверх, сейчас в её и занесут, и дадут...

Может, потому-то все грубовато посмеивались, потому-то всякий раз не без явного облегчения потешались, что за этим стояло сидящее в каждом очень глубоко: а ведь могло быть иначе... И вовсе не с Серёгой, нет. С каждым. А то и со всей бригадой сразу. Недаром на многих кладбищах на юге Кузбасса ребята так и лежат: бригадами.

А с Серёгой шло по уже привычному кругу: “скорая” — больничный травмпункт — хирург, которого вся бригада уже знала по имени-отчеству, — бюллетень.

Если подсчитать, начинали подзаводить Серёгу, когда он возвращался на шахту, сколько ты получил по больничным листам да по всяким-разным страховкам, тебе бы уже давно хватило на золотой протез... или как там? На золотой колпачок, на буратинский нос, который бы твой “рубильник” прикрывал...

Рубильник — это так, к слову.

Нос как нос, самый обыкновенный, да и, благодаря искусству одного и того же, лучшего в городе хирурга-лицевика, следов от удара кровельной породы или какой железки на нём никогда не оставалось.

Ну, тут вот сразу придётся рассказать одну из многочисленных баек о Золотом Носе. Когда Серёга, давно ещё, раз и другой с ним подзалетел, хирург этот начинал в нашей шахтёрской больничке. Перевёлся в другой район — в шутку сказал Серёге: если что, мол, — всё равно ко мне. Сразу!.. Так и случилось: Серёга путешествовал за ним потом из больницы в больницу, из клиники в клинику. Это была, ну, прямо-таки его привилегия, потому что слава об этом хирурге уже облетела нашу Кузнию и принимал он уже не всякого. Времена тянулись лихие: сколько тогда в городе случалось разборок, сколько драк с поножовщиной. Да и все знаменитые на всю Россию стрелки, вся наша “пехота” стояла к нему в очереди. Однажды Серёгу привезли к “лицевiku”, когда на операционном столе уже устраивали чуть ли не самый главный в городе бандюган, и что бы вы думали? Пришлось ему срочно встать и выйти в коридор, а на его место Серёга лёг.

Можете себе представить, что тогда говорили на шахте?

Думали, мол, в городе один самый большой “авторитет”, а оказалось — совсем другой! Свой парень. Кликуха — Золотой Нос.

Кое-кто, правда, усмехался: мол, погодите-ка!

Носу нашему ещё “выйдет боком”, что главному бандюгану пришлось ему место уступить: хорошо, если голову не оторвут, но уж где-нибудь в тёмном переулке по шее накостиляют — уж это точно!

Однако ничего похожего не случилось. Более того. Поднакопивший в Кузне денег “лицевик” переехал сперва на Кавказ, а потом и в Сочи — там у него теперь, говорят, своя клиника. Тот самый “авторитет” ездит к нему туда почти постоянно, потому что у него такое ранение, что последствия его надо время от времени подправлять. И вот однажды возле нашего АБК — административно-бытового, значит, корпуса — останавливается самый крутой на юге Кузбасса японский “джип”, вылезают из него двое амбалов, бегут к директору, а потом в сопровождении третьего выходит и этот самый авторитет, не торопясь идёт в корпус, а там уже ждёт его Серёга: пря-

мо-таки выдернули его из штрека по этому поводу. Наши говорили потом: вот бы спасатели так работали, как в тот раз — начальство!

Садятся они у директора, и авторитет говорит: привёз тебе привет от общего нашего друга. Сказал: вдруг надо будет — всегда жду. А то давно не видались. Соскучился. На дорогу ко мне уж как-нибудь наскребёт, морда дорожке, а обратный билет — тут никакого базара! — за мой счёт! А я, говорит, ехал к тебе, продолжает авторитет, и вдруг пришло в голову: хотя бы только туда — да откуда у него такие деньги?.. Потому держи-ка, братан. Это тебе на самолёт до Сочи и там на недельку. А остальное — за нашим друганом... держи-держи!

Суёт Серёге новенькую пачку: оставь, говорит, эти “хрусты” на чёрный день!

Да только разве Серёга — не настоящий горняк?.. Недаром сам говорил: потомственный!

И вечером в бригаде был праздник, какого не было не только за последние несколько лет, — может, и вообще никогда.

Тут-то Золотой Нос и сказал свою знаменитую речь.

— Ребята! — говорит. — Мужики!.. Вот мы с вами болтаем: в бандитском государстве живём. Да нет!.. Какое оно на самом деле, это надо ещё раскумекать, но только не бандитское — факт!.. Было бы бандитское — вон бы как о нас обо всех заботилось! Ить поглядите на наш стол — чего только душа пожелает. Всё есть!

Тут кто-то его подкалывает:

— Килобзды нету!

Все грохнули: о Серёгином пристрастии к черемше, к колбишке-кормилице, все знали.

А он, и правда, вздохнул:

— Только вот её и нет, — точно!..

Колбу, он, конечно, любил... Может быть, даже мало сказать — любил... Тут речь скорее не о плотском чувстве — о каком-то одухотворении, если не сказать больше.

Поздновато я всё это, конечно, понял, что ж теперь, — поздновато!

А тогда он всё продолжал удивлять меня своими рассуждениями.

К этому времени я уже сделался не только заправским колбоедом, но и заядлым колбишником. Думалось иногда: может быть, с моим старшим другом, известным московским писателем, потому ещё и сошлись, что он, посмеиваясь, говорил о себе: колба — это его “пунктик”, и если у него однажды весной “поедет крыша”, то искать его надо на окатах Кузнецкого Алатау — будет собирать там колбу.

Вместе мы придумывали “Словарь колбоеда”, который, может, когда-либо ещё выйдет. Надо ли говорить, что считался я не только с его писательским мнением, но с колбоманским тоже: колбоман — это уже из будущего нашего совместного словаря.

И вот однажды в тайге, когда снова вдруг выпало пойти за черемшой вместе с Серёгой, сказал ему: вот ты, мол, тут мне про каменный лук толкуешь. А знаешь, как колба наша по-латыни называется?.. Алум викториалис — во!.. По-русски: лук победителей.

А он со вздохом сказал:

— Думал, ты уже побурел...

— Что значит — побурел?

— Ну, созреваешь. А ты вот: лук победителей!

— Я у друга у своего прочитал, он про колбу много пишет, хоть и в Москве живёт...

— Во-он оно! — протянул Серёга. — Тады ясно.

Была у него такая поговорка.

— И что тебе — “тады”?

Он дёрнул подбородком:

— Дак Москва! Она чего не придумает, лишь бы мы тут работали, а она там жила... Ну, подумай: какие мы с тобой победители?.. Хоть колбой от

нас, от каждого — на километр. Разве победители так живут?.. А Москва... Что Москва?

— Ну, что, что?

— Да прилетали тут ранней весной на медведя... Олигархи — не олигархи, но так видать — с большими деньгами люди. Теперешние хозяева. А я как раз — за первой колбой. Егерь, мой дружок, вывел точно, они зверя ранили да все поразбежались, ему и добывать пришлось, и их потом по тайге собирать — тут я ему и помогал. Ну, а вечером на грудь взяли, все снова порасхрабрились, вот один, кого я как раз еле нашёл и чуть ли не в последний момент из полыньи вытащил, приглашает меня: ты приезжай! И туда тебя свожу, и сюда. Я ему: да оно мне надо? В Москву. Но раз уж вы, такие умные, здесь, объясните мне, слепому кроту, что такое там у вас в Москве — “общечеловеческие ценности”? Почему-то в последнее время они меня прямо-таки достали... А он захохотал сперва, а потом вдруг так серьёзно: я с тобой как с другом. Запомни!.. Единственная общечеловеческая ценность — это, брат, “рыжий дьявол”. Он! Понимаешь?.. Спрашиваю: Чубайс, что ли?.. А он опять как захохочет. Какой, говорит, Чубайс! Бери выше!.. Так ещё с пиратских времён звали золото. Вот оно и есть эта самая общечеловеческая ценность. Самая главная. А всё остальное для того и придумано, чтобы таким, как вы, “тайге глухой”, мозги запудрить. Усёк?

Через недельку-две после общего похода в тайгу встретились в городе — работали уже на разных шахтах, — и Сергей прямо-таки бросился ко мне:

— Хорошо, что увидел тебя!.. Я потом думал всё... Может, твой московский друг не так тебе сказал, а ты не расслышал? Если парень нормальный, говоришь, и тоже соображает кое-что.

Я сперва не понял.

— О чём это ты? — спрашиваю.

А он:

— Как это о чём? О колбишке!.. Может, он тебе сказал: лук побудителей?

— Каких ещё “побудителей”? — спрашиваю.

— Да каких... Как в армии... или ты не служил? Побудку сыграли, взбулгачили народ, а сами потом чуть не первые — к ларьку. Люди за нами. Чуть не вся страна нажралась, и опять — в сон. Один так и спит до сих пор, другой с бодуна ничего не соображает, а умники-то... Умники, что нас побудку сыграть подбили, они за это время всё и расхапали... А нам, брат, только это и осталось: каменный лук!

И как-то всё это он печально говорил — ну, так печально.

— Меня всегда подбадривал, — попробовал я поднять ему настроение. — А сам голову опустил... Помнишь, ребята говорили, тебе нельзя, чтобы голова падала...

Он без интереса спросил:

— Почему это?

— Да как “почему”? Единственное своё золото беречь надо. Нос-то, нос...

— А-а, — протянул он.

И опять — ну, так равнодушно.

— Может, случилось что? — спрашиваю.

— Да так-то вроде и ничего, — говорит. — Только пенсию срезали...

— А как это можно?

— Дак теперь ить всё можно...

— Почему срезали? Должны же объяснить.

— Пробовал добиться, да так и не понял. Вроде слишком часто травмировался, и больничные у меня — чуть не липовые.

— Это задним-то числом?

— Кому-то понадобилось!

— А в теркоме был?

— Ты ещё веришь им там? В теркоме?

— А что ещё остаётся?

— Тады ясно...

— Может, тебе и ясно, — говорю, — а мне что-то не очень...

Он как-то так усмехнулся. Только и того, что, как раньше, не сказал: мол, молодой ты ещё. Молодой-зелёный.

Сказал другое:

— Рыба ищет, где глубже...

— А человек, где лучше... ну?

— Чего тут нукать, всё правильно. Только человек — не рыба. Ему, где глубже искать...

— Зачем тебе, где глубже?

— Как — зачем?.. Доработать до выслуги.

— Опять в шахту?

— Что-нибудь другое предложишь? Идти к тебе сменщиком на твой любимый Записб? Что там — намного лучше?

Я только вздохнул, а он как-то вразтяжечку сказал:

— Не хотелось бы, правда, снова нос подставлять... — И тоже вздохнул.

Было это, считай, полтора-два года назад, после этого мы не встречались. Как там и что у нашего Золотого Носа, я не знал, а когда случилась эта страшная беда на “Есаульской”, вчитывался в газете в фамилии погибших, искал, нету ли знакомых ребят, и вдруг наткнулся на фамилию Серёги... Может, сперва подумал, родня, и тут же вдруг понял: сам. Даже не потому, что фамилия-отчество те же... Понял по какой-то безысходности в Серёгинном голосе при нашей последней встрече... “Как же так? — думал я. — Все привыкли, что всегда — только нос, и сам он давно привык. Ну, “шшолкнуло”, ну, поцарапало... Или при этом всё равно в сознании пряталось: это сегодня — нос, это сегодня... Надо же ему было вернуться на шахту! Судьба как будто успокаивала его всякий раз, а выходит, — заманивала... Так долго! Ах, Серёга-Серёга... Ах, ты, Золотой Нос! Полез в земную утробу за выслугой... А как иначе прожить?”

И вспомнились наши с ним походы в тайгу, и тот поход — самый первый, вспомнились наши долгие разговоры и это его чуть насмешливое: “Молодой ты ещё!.. Молодой-зелёный”

“Общечеловеческие ценности! — подумалось. — Да разве сама жизнь — не самая главная из них?.. А чего она нынче стоит?”

“Лук победителей! — пришло в голову. — Может, прав был Серёга: мы — только побудители, всего лишь...”

Хотелось кому-то из общих знакомых позвонить, чтобы расспросить о Серёге, но час был уже слишком поздний, а утром снова стремительно началась эта наша суета-маета.

Через какое-то время встретил в городском трамвае бывшего бригадника — тот еле держался на ногах. Спросил его о Серёге, и он сквозь икоту взялся меня наставлять:

— Отбился ты от нас!.. Рази праильно?.. А я, между прочим, с этих самых поминок. Ездили с мужиками на то место, где они как раз под землёй... Водяры было! Маленько и на травку плеснул: как на кладбище, на могилах... Что ж теперь? Земля пухом... А ты отби-ился, да!.. Ты и тогда отказывался. А это, чтоб ты знал, терком проводил...

И снова пришло, вроде совсем не к месту: “Тады ясно!”

— Знаешь, когда следующий раз? — искал мой бывший бригадник. — Ты черкани телефон, позвоню тебе...

А я подумал, что надо съездить туда одному.

Походить молча. Подумать.

Если всё не вытоптали, срезать несколько стебельков колбы — она уже как раз зацвела.

Поставлю, подумал, дома в стаканчике с водой под фотографией Серёги, есть у меня хорошая его фотография, снимали один другого в тайге...

Каменный уголь, он говорил, — горяцкое дело. Каменный лук — горяцкая еда.

И какие там ещё, подумал, потомственному горняку цветы?